

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

ИЮЛЬ • 2014

Постановление от 17 июля 2014 года № 22-П делу о проверке конституционности части 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201407210012; дата опубликования: 21.07.2014)

Правовые категории в Постановлении: ежемесячная денежная компенсация, выплачиваемая членам семьи военнослужащего в случае его гибели (смерти); социальная поддержка лиц, не имеющих родственной связи с погибшим (умершим) военнослужащим.

Заявитель: гражданка Г. Н. Куликова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» постольку, поскольку, определяя круг членов семьи военнослужащего, которые в случае его гибели (смерти) при исполнении обязанностей военной службы имеют право на получение ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной частью 9 той же статьи, она служит основанием для решения вопроса о праве на получение указанной денежной компенсации мачехи военнослужащего, погибшего (умершего)

при исполнении обязанностей военной службы по призыву, которая в течение длительного времени воспитывала своего пасынка, оставшегося без материнского попечения в связи со смертью матери, и содержала его до достижения совершеннолетия.

Позиция заявителя: нарушение положением, содержащимся в части 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», своих прав, гарантированных статьями 2, 7, 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, заявительница усматривает в том, что оно не включает в круг членов семьи военнослужащего, имеющих право на получение ежемесячной денежной компенсации в случае его гибели, наступившей при исполнении обязанностей военной службы, мачеху или отца, воспитывавших и содержавших погибшего пасынка не менее пяти лет и получающих

пенсию по случаю потери кормильца либо имеющих право на ее получение, а следовательно, ставит указанных лиц в неравное положение с родителями военнослужащего, которым право на такую денежную компенсацию предоставлено, и снижает уровень их материального обеспечения по сравнению с тем, на который они вправе были бы рассчитывать при жизни военнослужащего.

Итоговый вывод решения: часть 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» признана не противоречащей Конституции РФ, поскольку, определяя круг членов семьи военнослужащего, имеющих в случае его гибели (смерти) при исполнении обязанностей военной службы, в том числе по призыву, право на получение ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной частью 9 той же статьи, она направлена на обеспечение особой социальной поддержки этих лиц в рамках публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного им гибелью (смертью) военнослужащего. Этим не исключается право федерального законодателя внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на совершенствование публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного гибелью (смертью) военнослужащего, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, в том числе по призыву, членам его семьи, с тем чтобы обеспечить оказавшимся в затруднительном материальном положении лицам, которые длительное время надлежащим образом воспитывали военнослужащего, оставшегося без материнского попечения в связи со смертью матери, и содержали его до достижения совершеннолетия, адекватное возмещение вреда, в том числе посредством предоставления мер социальной поддержки, сопоставимых по своему объему и характеру с ежемесячной денежной компенсацией, предусмотренной частью 9 статьи 3 названного Федерального закона.

Мотивы решения. В случае гибели военнослужащего при исполнении воинского долга или смерти вследствие ранения, травмы, контузии, полученных при исполнении обязанностей военной службы, Российская Федерация как социальное государство также принимает на себя обязательства по оказанию социальной поддержки членам его семьи,

исходя из того что их правовой статус произведен от правового статуса самого военнослужащего и обусловлен спецификой его служебной деятельности. Осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель вправе при определении организационно-правовых форм и механизмов реализации социальной защиты граждан, оставшихся без кормильца, в том числе членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего, устанавливать круг лиц, имеющих право на те или иные конкретные меры социальной поддержки, и перечень этих мер, а также регламентировать порядок и условия их предоставления.

По своему характеру и публично-правовому предназначению ежемесячная денежная компенсация, выплачиваемая членам семьи военнослужащего в случае его гибели (смерти), относится к мерам социальной поддержки лиц, потерявших кормильца, и право на ее получение не связано с наличием у них права на другие выплаты в рамках публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного им гибелью (смертью) военнослужащего, в том числе на пенсию по случаю потери кормильца, и на иные меры социальной защиты. Соответственно, при определении круга членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего, имеющих право на получение данной выплаты, федеральный законодатель, действуя в рамках своих дискреционных полномочий, исходил, в частности, из ее целевого назначения, заключающегося в восполнении материальных потерь, связанных с утратой возможности для этих лиц как членов семьи военнослужащего получать от него, в том числе в будущем, соответствующее содержание при наличии предусмотренных законом условий.

Таким образом, предоставление права на получение ежемесячной денежной компенсации лицам, указанным в части 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», означает признание со стороны государства необходимости оказания особой социальной поддержки именно этим лицам как членам семьи военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы, в том числе по призыву, призвано гарантировать им наиболее полное возмещение причиненного след-

ствие этого вреда и направлено на обеспечение их достойного существования, что в полной мере согласуется с предписаниями статей 7, 38 (часть 1), 39 (часть 1) и 59 (часть 1) Конституции РФ.

Как следует из части 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», мачеха военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы по призыву, не отнесена к числу членов его семьи, имеющих право на получение ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной частью 9 той же статьи. Но действующее правовое регулирование допускает в ряде случаев при определенных условиях наделение ее правом на получение других видов выплат, включенных в качестве элементов в публично-правовой механизм возмещения вреда, причиненного в связи с потерей кормильца членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего.

То обстоятельство, что часть 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» не относит мачеху военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы по призыву, к числу членов его семьи, имеющих право на получение ежемесячной денежной компенсации, установленной частью 9 той же статьи, само по себе — с учетом характера и публично-правового предназначения данной выплаты как направленной на обеспечение социальной поддержки членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего — не свидетельствует о нарушении конституционных предписаний, поскольку мачеха военнослужащего в случае его гибели (смерти) не лишена юридической возможности пользоваться соответствующими денежными средствами, выплачиваемыми отцу военнослужащего (своему мужу), если она сохраняет с ним брачно-семейные отношения.

Вместе с тем не исключаются жизненные ситуации, в которых отсутствие у мачехи погибшего (умершего) военнослужащего права на получение указанной ежемесячной денежной компенсации может препятствовать обеспечению ей адекватного возмещения вреда, причиненного гибелью (смертью) военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы, в том числе по при-

зыву. В таких ситуациях установленный действующим правовым регулированием публично-правовой механизм возмещения вреда не достигает своей цели.

Исходя из публично-правового предназначения ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной частью 9 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», федеральный законодатель вправе расширить круг лиц, которые считаются членами семьи погибшего (умершего) военнослужащего, имеющими право на ее получение, тем более что правовое регулирование, действующее в сфере социальной защиты, не препятствует законодательному разрешению вопроса о предоставлении социальной поддержки лицам, не имеющим, как и мачехи, родственной связи с погибшим (умершим) военнослужащим, но при этом в добровольном порядке принявшим на себя и длительное время фактически осуществлявшим обязанности по его воспитанию и содержанию до достижения совершеннолетия.

При этом может быть учтен и нашедший отражение в семейном законодательстве подход к регулированию отношений по поводу алиментных обязательств других (помимо родителей, детей и супругов) членов семьи: в частности, нетрудоспособные нуждающиеся в помощи отчим и мачеха, воспитывавшие и содержавшие своих пасынков или падчериц, вправе требовать в судебном порядке предоставления содержания от трудоспособных совершеннолетних пасынков или падчериц, обладающих необходимыми для этого средствами, в случае невозможности получения содержания от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супруга (бывшего супруга), а освобождение судом пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху допускается лишь тогда, когда они воспитывали и содержали их менее пяти лет либо выполняли свои обязанности по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом (статья 97 Семейного кодекса РФ), что позволяет суду исследовать фактические обстоятельства, подтверждающие право мачехи на получение содержания от совершеннолетних пасынков или падчериц, в том числе свидетельствующие о выполнении ею обязанностей по их воспитанию и содержанию.

СЕНТЯБРЬ ● 2014

Постановление от 18 сентября 2014 года № 23-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201409250015; дата опубликования: 25.09.2014)

Правовые категории в Постановлении: право на социальное обеспечение, юридические последствия решения Конституционного Суда.

Заявитель: гражданин А. А. Планкин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» постольку, поскольку содержащиеся в ней положения — по смыслу, который придается им в правоприменительной практике после вступления в силу Постановления Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2012 года № 1-П, — служат основанием для отказа инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, которые получают пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, но до вступления указанного Федерального закона в силу за установлением ежемесячной денежной компенсации не обращались, в назначении данной выплаты в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности).

Позиция заявителя: оспариваемая норма не соответствует статьям 2, 18, 19 (части 1 и 2), 42, 53 и 55 (часть 3) Конституции РФ, поскольку препятствует удовлетворению требований заявителя об установлении ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью в размере, исчисленном исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал часть первую статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» не соответствующей Конституции, ее статьям 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 42, 46 (часть 1), 53 и 125 (части 4 и 6), в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в сохраняющем свою силу Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2012 года № 1-П.

Мотивы решения. В Постановлении от 20 декабря 2010 года № 21-П Конституционный Суд пришел к выводу, что часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» не может рассматриваться как препятствующая назначению инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих, получающих пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, право которых на возмещение вреда здоровью было признано Конституционным Судом в Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П, но которые не обращались за установлением соответствующих выплат до вступления данного Федерального закона в силу, ежемесячной денежной компенсации в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности). В противном случае указанным лицам не обеспечивались бы условия предоставления выплат в возмещение вреда,

равные с предусмотренными для инвалидов-чернобыльцев, и тем самым не соблюдался бы конституционный принцип равенства, означающий, помимо прочего, запрет вводить ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания.

Уточняя порядок исполнения Постановления от 20 декабря 2010 года № 21-П и пределы действия выраженных в нем правовых позиций во времени, Конституционный Суд подчеркнул, что в силу статьи 125 (часть 6) Конституции и части пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выраженная в данном Постановлении правовая позиция подлежит учету правоприменительными органами с момента его провозглашения, то есть с 20 декабря 2010 года.

Кроме того, принимая во внимание длящийся характер правоотношений по возмещению вреда здоровью, причиненного радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы, Конституционный Суд признал за гражданами, не являвшимися участниками конституционного судопроизводства, решения по делам которых об отказе в исчислении размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности были вынесены и вступили в законную силу до принятия Конституционным Судом Постановления от 20 декабря 2010 года № 21-П, возможность повторного обращения в органы, на которые возложены функции назначения и выплаты указанной ежемесячной денежной компенсации, за ее перерасчетом с момента вступления в силу данного Постановления, а в случае отказа в перерасчете — в суд.

Правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом в Постановлении от 20 декабря 2010 года № 21-П применительно к гражданам — инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих, распространена Постановлением от 7 февраля 2012 года № 1-П и на лиц из числа рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы.

Юридическими последствиями принятия Конституционным Судом решения, в котором выявляется конституционно-правовой смысл нормы, является прекращение действия и применения этой нормы в неконституционном истолковании и утрата ею силы на будущее время в любом расходящемся с выявленным конституционно-правовым смысле. По своим правовым последствиям это сопоставимо с изменением правовой регламентации отношений, относящихся к предмету регулирования нормы, а следовательно, должно учитываться правоприменительными органами при принятии к производству обращений граждан, поступивших к ним после вступления в силу решения Конституционного Суда, содержащего конституционно-правовое истолкование правовой нормы, и основанных на выраженных в нем правовых позициях.

Поскольку в Постановлении Конституционного Суда от 7 февраля 2012 года № 1-П не содержится каких-либо оговорок, устанавливающих особый порядок его исполнения, сформулированная в нем правовая позиция, касающаяся права граждан — инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы из числа лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел на ежемесячную денежную компенсацию в возмещение вреда здоровью, исчисленную исходя из денежного довольствия указанных лиц с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу данного Постановления, то есть с 20 февраля 2012 года.

Между тем часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ была применена судами общей юрисдикции в деле заявителя без учета правовой позиции, сформулированной в Постановлении Конституционного Суда от 7 февраля 2012 года № 1-П, в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом. Соответственно, неконституционная интерпретация ее положений повлекла за собой нарушение конституционных прав заявителя, восстановить которые (учитывая, что судебные постановления вступили в законную силу и прошли проверку в Верховном Суде РФ) невозможно без обращения в Конституционный Суд.

Применительно к таким случаям Конституционный Суд РФ вправе признать норму с учетом придаваемого ей официальным и иным толкованием или сложившейся право-

применительной практикой нормативного содержания не соответствующей Конституции РФ (см.: *Постановление от 7 ноября 2012 года № 24-П*).

Постановление от 23 сентября 2014 года № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201409250001; дата опубликования: 25.09.2014)

Правовые категории в Постановлении: свобода слова; право на информацию; конституционный принцип равенства; достоинство; право проведения публичных мероприятий; пропаганда или агитация, возбуждающие социальную ненависть или вражду; права несовершеннолетних; права сексуальных меньшинств; административная ответственность.

Заявители: граждане Н. А. Алексеев, Я. Н. Евтушенко, Д. А. Исаков (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ, как предусматривающая наложение административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, развившуюся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Позиция заявителей: по мнению граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова, введенный статьей 6.21 КоАП РФ запрет, исключающий распространение среди несовершеннолетних любой информации о гомосексуальности, в том числе содержащей лишь утверждение о социальной равноценности близких отношений между людьми разного пола и между людьми одного пола, влечет умаление достоинства граждан негетеросексуальной ориентации и дискриминацию по признаку сексуальной ориентации и наруша-

ет их права, гарантированные статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 29 (части 1, 2 и 4) и 55 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она направлена на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий, и — имея в виду, что противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им, в том числе исходя из обстоятельств совершения данного деяния, нетрадиционные сексуальные отношения, — не допускает расширительного понимания установленного ею запрета.

Мотивы решения. Сами по себе сексуальные контакты, не подпадающие под уголовно-правовой запрет, между лицами одно-

го пола не находятся ни под запретом международно-правовых норм, ни под запретом Конституции РФ, а сексуальная ориентация как таковая не может служить правомерным критерием установления различий в правовом статусе человека и гражданина. Это вытекает из нормы Конституции РФ о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью, из выводимой из части 2 статьи 19 Конституции гарантии защиты равным образом всем лицам, вне зависимости от их сексуальной ориентации, из принципа индивидуальной автономии личности, а также из вытекающей из конституционного признания достоинства личности необходимой предпосылкой и основой всех других неотчуждаемых прав и свобод человека (см.: *постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 25 апреля 2001 года № 6-П и от 20 апреля 2006 года № 4-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О, от 1 марта 2010 года № 323-О-О и др.*) обязанности государства создавать для граждан реальные возможности для свободного самоопределения и самовыражения, уважать связанные с частной жизнью различия и не допускать произвольное вторжение в сферу частной жизни. Государство призвано принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации. Учитывая идеологическое многообразие и свободу искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, граждане, чья сексуальная ориентация отличается от общепринятой, не могут быть лишены возможности использовать для привлечения внимания общественности к имеющимся фактам нарушений их прав все не запрещенные законом способы, в частности посредством организации и проведения публичных мероприятий.

Вместе с тем осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, что предопределяет необходимость поиска баланса конституционно значимых ценностей. Международные акты допускают ограничения в осуществлении прав и свобод человека законом в целях удовлетворения справедливых требований морали; возможность ограничения права свободного выражения мнения для охраны

нравственности и прав других лиц. Ни из Конституции РФ, ни из международных обязательств Российской Федерации не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола (см.: *определения от 16 ноября 2006 года № 496-О и от 19 января 2010 года № 151-О-О*). Конституция РФ запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие в том числе социальную ненависть и вражду, в связи с чем, законодатель, оценивая состояние и тенденции развития российского общества на конкретном историческом этапе, обязан предотвращать проявления социальной агрессии на почве демонстративного отрицания конституционно значимых нравственных ценностей или пренебрежения ими.

В зарубежном и международном праве отсутствует консенсус относительно понимания пределов сексуальной автономии личности и распространения информации, касающейся сексуальных отношений. Соответственно, разрешение данного вопроса относится к дискреционным полномочиям законодателя. При этом должны учитываться особенности национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурные и иные исторические характеристики, в частности сформировавшиеся в качестве общепризнанных в российском обществе (и разделяемые всеми традиционными религиозными конфессиями) представления о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве (см.: *Определение от 24 октября 2013 года № 1718-О*). Конституционно-правовой смысл данных терминов выявляется через традиционное, воспринятое от предков понимание — как ценностей, обеспечивающих непрерывную смену поколений, являющихся условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, имеющих предназначением рождение и воспитание детей. Необходимо учитывать цели, которые ставил перед собой законодатель, в частности, цель оградить ребенка от воздействия информации, способной подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям; адресную направленность вводимых законодателем ограничений, в силу чего они не могут рассматриваться как исключющие возможность реализации конституционного права на свободу информации в этой

сфере, а лицо, адресующее соответствующую пропаганду, должно осознавать, что обычное, с его точки зрения, информирование в конкретной ситуации может иметь свойства агитации (пропаганды).

Несмотря на то что возможность влияния соответствующей информации на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной, исходя из специфики общественных отношений, связанных с оказанием информационного воздействия на лиц, не достигших совершеннолетия и потому находящихся в уязвимом положении, и учитывая приоритетную цель обеспечения прав ребенка (см.: *Постановление от 18 июля 2013 года № 19-П*), федеральный законодатель вправе использовать презумпцию наличия угрозы интересам ребенка. Кроме того, имеется косвенный объект защиты — социальные связи каждой конкретной личности, так как навязывание несовершеннолетним социальных установок, отличающихся от общепринятых в российском обществе, в том числе не разделяемых родителями, может провоцировать социальное отчуждение ребенка и препятствовать его благополучному развитию в семейной среде.

В целях защиты семьи, материнства и детства федеральный законодатель вправе использовать все доступные ему средства, включая административно-правовой запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. При этом, во-первых, нужно учитывать, что использованный в соответствующей норме термин «нетрадиционные сексуальные отношения» не означает негативной оценки государством нетрадиционных отношений как таковых, а запрет их пропаганды не исключает

подачи соответствующей информации в нейтральном (просветительском, историческом, художественном) контексте. Конституционно-правовая допустимость запрета пропаганды соответствующих идей должна оцениваться исходя из характера информации, понимаемой как пропаганда и цели ее распространения (см.: *Определение от 24 октября 2013 года № 1718-О, Постановление от 30 октября 2003 года № 15-П*), ее потенциальной аудитории (несовершеннолетние) и места распространения. Во-вторых, необходимо руководствоваться имеющими универсальное значение общими принципами юридической ответственности, вытекающими из норм Конституции РФ, сформулированными в ряде правовых позиций Конституционного Суда РФ (см.: *постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П; определения от 9 апреля 2003 года № 172-О, от 7 декабря 2010 года № 1570-О-О и др.*) и закрепленными в КоАП РФ. Содержащая указанный запрет статья КоАП РФ не подлежит расширительному толкованию.

Акты международного права, использованные в Постановлении: пункты 1 и 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека; статьи 10, 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; статьи 19, 23 Международного пакта о гражданских и политических правах; пункт 2 статьи 6; статьи 5, 34 Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года; статья 6 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года.

Постановление от 21 октября 2014 года № 25-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201410230014; дата опубликования: 23.10.2014)

Правовые категории в Постановлении: ограничение права собственности, режим ареста имущества.

Заявители: общество с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное стро-

ительство» и граждане В. А. Шевченко и М. П. Эйдлен (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения частей третьей и девятой статьи 115 УПК РФ

как служащие основанием для установления на стадии производства предварительного расследования по уголовному делу правового режима ареста имущества лица, не являющегося по данному уголовному делу подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим в соответствии с ГК РФ ответственность за вред, причиненный преступлением, если имеются достаточные основания полагать, что это имущество получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Позиции заявителей: как полагает ООО «Аврора малоэтажное строительство», части третья и девятая статьи 115 УПК РФ во взаимосвязи со статьей 162 данного Кодекса, закрепляющей сроки предварительного следствия, не соответствуют статьям 8, 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 46 (часть 1), 49 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой они не обязывают следователя по истечении определенного срока снять арест с имущества лица, не являющегося участником уголовного судопроизводства, или предъявить владельцу этого имущества обвинение.

В. А. Шевченко просит признать части третья и девятую статьи 115 УПК РФ не соответствующими статьям 35 (части 2 и 3), 49 и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой они позволяют в случае приостановления производства предварительного следствия по уголовному делу неограниченно долго применять наложение ареста на имущество лиц, не являющихся в уголовном судопроизводстве подозреваемыми, обвиняемыми, не наделяя их при этом процессуальными правами, позволяющими эффективно защищать свое право собственности.

По мнению М. П. Эйдлена, часть третья статьи 115 УПК РФ не соответствует статьям 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции РФ, поскольку – по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – несоразмерно ограничивает право собственности, позволяя налагать арест на имущество лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым по уголовному делу, притом что лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, не установлено и, следовательно, отсутствуют основания полагать, что материальную ответственность за его действия должен нести собственник имущества, спор относительно которого разре-

шен к тому же в порядке гражданского судопроизводства.

Итоговый вывод решения: положения частей третьей и девятой статьи 115 УПК РФ не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 35 (части 1–3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой механизм, применение которого позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на ограничение срока (продолжительности) применения наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, разумность и необходимость которого должны определяться судом в процедурах, обеспечивающих собственников арестованного имущества процессуальными правами, необходимыми для защиты их права собственности от необоснованного или чрезмерно длительного ограничения.

Мотивы решения. Поскольку наложение ареста на имущество в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу влечет для собственника этого имущества ограничения в праве владеть, пользоваться и распоряжаться им, применение данной процессуальной меры не может быть произвольным. Оно должно быть обусловлено предполагаемой причастностью конкретного лица к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения конкретного имущества либо должно основываться на законе, устанавливающим материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого.

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда РФ, наложение в рамках производства по уголовному делу ареста на имущество, которое находится у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или

несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, и получение которого в результате совершения преступления лишь предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий, обеспечивающих восстановление нарушенных прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (см.: *постановления от 16 июля 2008 года № 9-П и от 31 января 2011 года № 1-П*).

Соответственно, соблюдение условий для продолжения (сохранения режима) ареста имущества должно находиться под эффективным контролем суда, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо, на имущество которого на-

ложен арест, не подвергалось чрезмерному обременению вследствие неоправданно длительного применения данной меры процессуального принуждения. Это, в свою очередь, требует дополнительных усилий от органов предварительного расследования, на которые законом возложены обязанности по осуществлению уголовного преследования, сбору доказательств и обеспечению прав и законных интересов граждан и юридических лиц, так или иначе вовлеченных в уголовный процесс.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 января 2009 года по делу «Боржонов против России»; Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Постановление от 30 октября 2014 года № 26-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201410310007; дата опубликования: 31.10.2014)

Правовые категории в Постановлении: прохождение военной службы по призыву; защита Отечества; престиж и привлекательность военной службы по призыву; государственная гражданская служба; правовой статус государственных гражданских служащих; ограничение на доступ к государственной гражданской службе.

Заявитель: Парламент Чеченской Республики (в порядке части 2 (пункт «а») статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву», как препятствующий принятию гражданина на государственную гражданскую службу и прохождению гражданином государственной гражданской службы в случае признания его не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии.

Позиция заявителя: по мнению Парламента Чеченской Республики, оспариваемое законоположение нарушает принцип равенства в отношении реализации гражданами права на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии, отменяет и умаляет права и свободы человека и гражданина, а также, распространяя действие установленного им ограничения на лиц, которые были приняты на государственную гражданскую службу до вступления названного Федерального закона в силу, необоснованно ухудшает положение таких лиц, что не соответствует Конституции РФ, ее статьям 6 (часть 2), 15 (часть 1), 17 (часть 1), 19, 32 (часть 4), 37 (часть 1) и 55 (части 2 и 3).

Итоговые выводы решения: пункт 1 статьи 3 Федерального закона от 2 июля 2013 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» признан соот-

ветствующим Конституции РФ: в той мере, в какой содержащееся в нем положение, вводя для граждан, признанных не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии, ограничение, связанное с поступлением на государственную гражданскую службу и ее прохождением, устанавливает для лиц, не исполнивших возложенную на них конституционную обязанность по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву (при отсутствии предусмотренных законом оснований для освобождения от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу или отсрочки от призыва), дисквалифицирующее препятствие для доступа к государственной гражданской службе, сопряженного с повышенными репутационными требованиями к государственному гражданскому служащему как лицам, осуществляющим соответствующую деятельность в публичных интересах, и тем самым преследует конституционно значимую цель сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка; в той мере, в какой содержащееся в нем положение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагает применения установленного им ограничения, связанного с поступлением на государственную гражданскую службу и ее прохождением, к правоотношениям с участием граждан, которые не прошли военную службу по призыву, однако по состоянию на 1 января 2014 года были зачислены в запас, и не исключает его применения к гражданам, поступившим на государственную гражданскую службу до 1 января 2014 года, которые на указанную дату подлежали призыву на военную службу, в случае вынесения в отношении них в установленном порядке заключения призывной комиссии о признании не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований; в той мере, в какой содержащееся в нем положение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования связывает действие ограничения на доступ к государственной гражданской службе для граждан, признанных не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, с наличием заключения призывной комиссии, которое выносится в

отношении конкретного гражданина на основе исследования всех обстоятельств, обусловивших неисполнение им конституционной обязанности по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву, и может быть оспорено в судебном порядке.

Кроме того, пункт 1 статьи 3 Федерального закона от 2 июля 2013 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» признан не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 32 (часть 4), 37 (часть 1) и 55 (части 2 и 3), в той мере, в какой содержащееся в нем положение предполагает установление бессрочного запрета на замещение должностей государственной гражданской службы для граждан, признанных не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии.

Мотивы решения. Согласно статье 15 (часть 2) Конституции РФ органы публичной власти, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы. Несоблюдение данного общеправового требования гражданином, желающим реализовать свое право на выбор рода деятельности и профессии путем поступления на государственную службу и прохождения такой службы, и тем самым проявление неуважительного отношения к основанному на этом требовании правопорядку могут поставить под сомнение способность такого гражданина к ответственному и добросовестному исполнению обязанностей государственной службы, которые так или иначе связаны с реализацией публичных функций и обусловлены особым правовым статусом государственного служащего.

Соответственно, федеральный законодатель, вводя те или иные обусловленные статусом государственных служащих и характером возлагаемых на них задач ограничения, связанные с поступлением на государственную службу и ее прохождением, вправе устанавливать специальные правила доступа к любому виду государственной службы, включая государственную гражданскую службу, в том числе предусматривать определенные последствия как исполнения, так и неисполнения гражданином, желающим реализовать свое конституционное право на равный до-

ступ к государственной службе, обязанностей, возложенных на него Конституцией РФ и законами.

Оспариваемое нормативное регулирование направлено на недопущение к государственной гражданской службе лиц, не исполнивших возложенную на них Конституцией РФ обязанность по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву и тем самым проигнорировавших общеправовое требование соблюдать Конституцию РФ и законы, то есть лиц, не проявивших соответствующих морально-нравственных качеств, которыми должны обладать государственные гражданские служащие, осуществляющие возложенные на них функции в публичных интересах.

Данное ограничение, связанное с доступом к государственной гражданской службе и обусловленное предъявлением к государственным гражданским служащим повышенных репутационных требований, представляет собой особое дисквалифицирующее препятствие для лиц, не прошедших без законных на то оснований военную службу по призыву, которое введено федеральным законодателем исходя из признания того, что доступ таких лиц к государственной гражданской службе может не только умалять престиж самой по себе военной службы, но и снижать авторитет государственной гражданской службы как неперемное условие успешного решения возложенных на нее задач и тем самым создавать препятствия для эффективного осуществления органами государственной власти своих полномочий.

Соответственно, установление пунктом 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные ак-

ты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» ограничения на доступ к государственной гражданской службе лиц, признанных заключением призывной комиссии не прошедшими без законных на то оснований военную службу по призыву, преследует конституционно значимую цель сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка.

Однако пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву», вводящий для граждан, признанных в соответствии с заключением призывной комиссии не прошедшими без законных на то оснований военную службу по призыву, не имеющее предельных сроков действия ограничение на поступление на государственную гражданскую службу и на ее прохождение, ставит таких граждан при реализации ими закрепленных Конституцией РФ права на равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4) и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1) в худшее положение по сравнению с теми гражданами, для которых запрет замещения определенных должностей выступает в качестве наказания за совершение административного правонарушения (части 1 и 2 статьи 3.11 КоАП РФ) или преступления (часть вторая статьи 47 УК РФ).

Обзор подготовили: Олег Болдырев, Артем Маркин, Ольга Подоплелова. Редактор: Татьяна Храмова.